

УДК 338(571.6)

П. А. Минакир

О КОНЦЕПЦИИ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ МАКРОРЕГИОНА: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Рассмотрены проблемы формирования концепции долгосрочного развития макрорегиона на примере российского Дальнего Востока. Обобщены условия определения параметров концепций регионального развития за длительный период. Предложена классификация концепций регионального развития по критерию выбора источников ресурсного обеспечения развития. Проанализированы основания для формирования концепции долговременного развития после 2010 г.

Концепция, концептуальный цикл, ресурсы развития, новая индустриализация, пространственные отображения, рыночные ниши, пространственные монополии, регион, макрорегион, российский Дальний Восток.

КОНЦЕПЦИЯ КАК ИДЕЯ РАЗВИТИЯ

В самом общем виде концепция понимается как основная идея развития региона, содержащая «в себе» цель этого развития. В развернутом виде концепция есть некоторое представление, описание (vision) того, что собой представляет регион в задаваемом будущем. Разумеется, это представление является некоторой идеальной конструкцией, соответствующей представлениям автора(ов) концепции относительно желательного облика региональной системы.

Конечно, сама идея развития, системное представление будущего состояния региона не являются «вечной константой», основанной на раз и навсегда

© Минакир П. А., 2012

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-02-0056а; проекта ДВО РАН № 12-1-ПЗ4-01.

заданной системе приоритетов. Концепция действует в течение определенного временного интервала, в рамках которого сохраняются относительно неизменными существенные предпосылки и условия, определяющие характер целеполагания, а также параметры системы ограничений, очерчивающих область возможного развития в структурном, качественном и количественном смысле.

В случае макрорегиона следует учитывать объективные и субъективные ограничения как регионального, так и внешнего по отношению к региону характера [1, с. 19—20; 8, с. 318—319].

К основным объективным ограничениям в рамках системы принятия решений относятся ограничения природного, географического, климатического характера. Нельзя изменить географические координаты региона, точно так же, как нельзя изменить его ландшафт, распределение земельных и водных ресурсов в пространстве, трассы удобных для устройства путей сообщения, режим солнечной радиации, характер и количество (известное и оцениваемое) сырьевых ресурсов и пр.

Важным субъективным ограничением регионального развития является устоявшийся стереотип отношения к региону, как со стороны государственной власти, так и со стороны агентов экономики. И от тех, и от других зависит выделение ресурсов для развития региона. Это ограничение может быть изменено, но пока такого изменения не произошло, общественный стереотип должен приниматься как ограничение, модификация которого является необходимым условием изменения оценки возможного и невозможного для данного региона.

Инерция развития, привычная структура, привычные пропорции затрат, привычный их уровень также являются существенным ограничением при принятии решений и при оценке ожиданий относительно данного региона. Привычка не является одним лишь устоявшимся заблуждением, не есть это и лишь страх чрезмерного риска. Инерция представляет собой естественный защитный механизм, который основан на положительных результатах предшествующего развития, это своеобразная «презумпция невиновности» истории. Конечно, на пороге будущего прошлое не может не представляться негативно по отношению к предстоящему этапу. Однако это прошлое обеспечивало хорошие результаты (даже если можно доказать, что они могли бы быть лучше). Именно реальность положительного опыта, достигнутых успехов сравнивается с будущими виртуальными успехами при изменении условий, которые обеспечивали успех в прошлом. Поэтому реальный выбор при принятии решения относительно смены или сохранения параметров прошлого — это выбор между надежностью и риском. В общем случае только тогда, когда вероятность сохранения уровня дохода (или другого показателя,

существенного для региональной системы) при сохранении инерции оказывается ниже вероятности его сохранения или приумножения при трансформации самой системы, выбор будет сделан в пользу изменений [1; 8].

Важным внешним ограничением является состояние национальной и мировой экономики. Состояние внешней для данного региона конъюнктуры рынков, сравнительные параметры конкурирующих производственных и потребительских систем, сравнительные цели развития конкурирующих пространственных систем и сравнительные механизмы их реализации должны рассматриваться при оценке реализуемости той или иной идеи, равно как и определением того, в какой мере эта идея или идеи соответствуют конкретной цели, поставленной перед регионом.

Идея регионального развития всегда формулируется применительно к особенностям времени и состояния региональной экономической системы, а также внешней для региона среды, которой является как национальная экономическая система, описываемая ключевыми параметрами, характеризующими ее состояние во времени, так и международное окружение. При этом под основными параметрами имеются в виду не только, а часто и не столько экономические параметры, которые в значительно большей степени являются ограничениями или предпосылками достижения поставленных целей, сколько качественные и количественные характеристики социального, демографического, политического, стратегического, экологического, гуманитарного характера.

Общими принципами при определении концепции или системными ограничениями являются следующие:

1) как разработчики, так и «потребители» концепции исходят из принципа «положительных ожиданий», то есть предполагается, что концепция развития должна предусмотреть и обеспечить достижение более высоких стандартов и показателей, чем предыдущая, то есть должен реализовываться принцип «завтра лучше, чем вчера»;

2) важное значение имеет принцип «соседского глаза» или «регионально-патриотизма», то есть концепция должна предусматривать такое будущее состояние региональной системы, которое заведомо не хуже, а лучше, чем у сравнимых региональных систем;

3) при разработке концепции необходимо руководствоваться принципом «конструктивной преемственности», то есть обеспечить использование при проектировании будущих состояний и механизмов развития лучшего из имеющегося опыта;

4) концепция должна исходить из представления о региональной социально-экономической системе как о системе иерархической, то есть необходимо руководствоваться принципом «свобода — осознанная необходимость»,

достижение наилучших допустимых состояний может быть обеспечено только при условии включенности региональной системы в национальную и глобальную (прямо или опосредованно) социально-экономические иерархии.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЦИКЛ

Территориально под термином «Тихоокеанская Россия» подразумевается территория в границах Дальневосточного федерального округа. Эти границы фактически оставались неизменными в течение последних 70 лет, хотя некоторые изменения внутренней территориальной конфигурации за последние 20 лет и происходили. Если иметь в виду, правда, весь исторический период после присоединения к Российской империи восточных территорий, то границы Тихоокеанской России изменялись неоднократно [3], что заставляет с некоторой осторожностью идентифицировать концептуальные конструкции и модели, связанные с построением политико-экономической системы на берегах Тихого океана, только с территорией нынешнего федерального округа. Тем не менее мы обязаны рассматривать отнюдь не только советский период конструирования экономической системы Тихоокеанской России, но включать в рассмотрение по возможности все более ранние стадии идейного и хозяйственного проектирования и строительства. Это обязательство вытекает из инерционного характера не только собственно экономической структуры и хозяйственных взаимосвязей, но и значительной инерции в преемственности идей и методов экономического строительства.

Собственно история концептуальных идей колонизации и развития региона, как и история их реализации, значительно короче истории завоевания и освоения новых территорий на востоке Российской империи. Можно утверждать, что «концептуальная история» Тихоокеанской России насчитывает не более полутора веков со времени присоединения к России территорий Приамурья и Уссурийского края. Именно в течение этого времени интенсивно разрабатывались и осуществлялись концепции освоения и развития региона, наблюдалась определенная закономерность в чередовании этих концепций, что приводило к смене структуры, масштабов, интенсивности используемых общественных ресурсов, изменению институциональной среды, трансформации целевой области и матрицы задач, стоящих перед регионом и решаемых в нем.

Конечно, концепции развития региона представляют собой далеко не одни только «документальные памятники», в качестве таковых необходимо рассматривать также и те концепции (идеи), которые следовало бы называть «спонтанными» [5], то есть сформулированные неявно и проявляющиеся

только как обнаруживающиеся в системе практических действий совокупности целенаправленных решений и откликов на них самой экономической системы. Например, для начальных этапов колонизации Дальнего Востока нет никакого смысла говорить о документально оформленных концепциях долгосрочного развития. Означает ли это, что таковых не было? Конечно, были. При этом следует помнить, что далеко не все идеи (концепции) были реализованы, а те, которые все-таки были приняты к реализации, осуществлялись нередко с существенными коррективами.

Нередко политика (политики) в отношении экономики того или иного региона формировалась и формируется в процессе сиюминутных и не всегда системных реакций на возникающие и осознаваемые проблемы практического свойства. Это порождает на определенных интервалах времени поток решений, деклараций действий различных агентов экономики и управления, которые при определенном обобщении также следует рассматривать как неформализованные концептуальные варианты.

Как спонтанные, так и формально документированные концепции освоения и развития Дальнего Востока формировались, естественно, в тесной связи и как ответ на состояние экономики страны и региона. К началу русской колонизации большая часть современного юга Дальнего Востока представляла собой слабо дифференцированное в экономическом отношении территориальное образование. Границы районов по большей части имели природный характер, в значительной мере определяли и характер системы расселения. Масштабы экономической деятельности были невелики, а уровень заселенности территории крайне низок. России досталась практически девственная с экономической точки зрения территория, которую еще только предстояло превратить в экономический район.

Обмен между отдельными районами, которые смело можно отнести к категории однородных районов, носил эпизодический характер. В пределах Дальнего Востока были лишь крайне незначительные районы, в отношении которых можно говорить о том, что они имели сельскохозяйственный характер, а экономика вышла за рамки самодостаточности, таковыми, например, были районы проживания «зазейских маньчжур».

Соответственно и первая по времени «спонтанная» концепция регионального развития (№ 1) представляла собой некоторую сумму идей, направленных на закрепление за Россией вновь приобретенных территорий, а следовательно, и на защиту этих территорий от вероятных посягательств военного и экономического характера. Это предполагало, конечно, в первую очередь создание военной базы на Тихом океане, функционирование которой было невозможно без решения проблемы надежного материального обеспечения армии и флота, дислоцированных на Дальнем Востоке. Обеспечить

материальные условия функционирования военно-морской группировки как в мирное, так и в военное время способно лишь создание регионально локализованного экономического оборота, опирающегося на наличие местных ресурсов сырья, продовольствия и собственную систему опорных промышленных предприятий.

Отсюда вытекала следующая идея — сравнительно быстрое заселение южной части региона. А заселение и наращивание экономического потенциала, точно так же как и надежное функционирование собственно военной базы, представлялось невысказанным без создания транспортного коридора, который связал бы Европейскую Россию и Сибирь с берегами Тихого океана. Транспортное сообщение было необходимо еще и для того, чтобы осуществить контроль над китайским рынком, что непосредственно было связано с решением задачи экономического развития с использованием местных ресурсов материальной базы армии и флота. При этом практически единственным источником решения этих задач являлись государственные финансовые и материальные ресурсы, а само их решение опиралось на достаточно ясные государственные планы.

Реализация этой совокупности идей породила экономический бум на Дальнем Востоке, который в некотором отношении походит на современный инвестиционный бум, так как был сконцентрирован на строительстве железных дорог (Транссиб, КВЖД) и портов (Владивосток). Различие заключалось в том, что инфраструктурное строительство сопровождалось высокими темпами земледельческой и промышленной колонизации, которая, чем дальше, тем больше, принимала форму транспортно-промышленной колонизации.

В результате к началу XX в. в пределах некогда слабо дифференцированной в экономическом отношении территории сформировалась весьма специфическая территориальная общность — Дальний Восток России. Причем в экономическом отношении этот регион представлял из себя сложную территориальную систему, образованную районами различного типа и степени зрелости, выстроенными в определенной иерархии.

К началу Русско-японской войны вполне реализовать вышеприведенную концепцию, конечно, не удалось, что в немалой степени было связано с нехваткой времени и чрезмерным распылением ресурсов за счет выделения значительной их части для закрепления на территории Маньчжурии. Незавершенность процессов военного, промышленного, сельскохозяйственного и транспортного строительства, а также программы заселения территории в значительной степени стала одной из главных составляющих неудачи в войне.

После окончания Русско-японской войны и первой русской революции

тогдашний премьер-министр Российской империи П. А. Столыпин декларировал, а затем и начал осуществлять принципиально новую концепцию освоения Дальнего Востока (№ 2). Суть ее заключалась в том, что Россия отказывалась от военной экспансии в какой бы то ни было форме на Тихом океане. Российский Дальний Восток должен был стать неотъемлемой частью российского экономического пространства, для чего необходимо формирование сети транспортных коммуникаций, то есть продление Транссиба по российской территории до Владивостока. Следовательно, основная идея транспортного (инфраструктурного) строительства заключалась не в обеспечении снабжения потенциального театра военных действий и установлении экономического и военного контроля над территорией Северного Китая, а в создании минимально необходимых условий для запуска механизмов саморазвития экономики Дальнего Востока. Вторая принципиальная идея заключалась в том, что экономика Дальнего Востока (во всяком случае, южной части региона) должна была сменить вектор своего развития — с сельскохозяйственной на промышленно-транспортную колонизацию.

По существу это отражало ориентацию на ускоренное развитие капиталистической экономики в России, а в отношении Дальнего Востока вело к изменению концептуального подхода к освоению (колонизации) региона. Основой по-прежнему оставались государственные ресурсы, но суть концепции выражалась формулой «Экономическая колонизация» — сельскохозяйственное заселение и освоение земли, развитие мелкой промышленности, создание транспортного коридора для выхода на китайский рынок. Эта концепция действовала вплоть до начала Гражданской войны (1906—1918 гг.).

Реализация этой концепции привела к радикальным изменениям не только территориально-отраслевой структуры хозяйства, но и положения региона в системе внутрirosсийских и мирохозяйственных связей. Транссибирская магистраль не только связала между собой отдельные очаги хозяйственной деятельности в южной части Дальнего Востока, но и открыла рынки Сибири и Европейской России для промышленности региона. КВЖД сделала возможным транзит грузов из Маньчжурии через порт Владивосток и открыла рынки Северного Китая для товаропроизводителей Дальнего Востока. Экономика Дальневосточного региона приобретала экспортно ориентированный характер с акцентом на рынки сопредельных стран. Это обусловило преимущественное развитие тех отраслей, которые были конкурентоспособны на внешнем рынке, — рыбопромышленность и морской транспорт, а также лесная, угольная и горнодобывающая отрасли промышленности. В результате уже перед Первой мировой войной в структуре товарной массы соотношение между сельским хозяйством и промышленностью составило 2:3.

В рамках этой концепции возникли не только города — центры обраба-

тывающей промышленности, но и произошла трансформация уже имевшихся к началу XX в. городских поселений, выполнявших преимущественно административные функции, в полифункциональные, которые оказывали все возрастающее воздействие на сельскохозяйственные и промысловые районы, становясь центрами экономических районов.

При этом индустриализация экономики Дальнего Востока, в отличие от более позднего, советского варианта индустриализации, не сопровождалась деградацией сельской экономики. Напротив, индустриализация содействовала дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства (за 1911—1919 гг. посевная площадь выросла более чем в два раза). При этом увеличение масштабов производства сопровождалось изменением внутренней структуры сельской экономики региона, приобретавшей все более товарный характер, чему в немалой степени способствовал быстрорастущий спрос со стороны городского населения и промышленности (за 1897—1910 гг. население Хабаровска выросло с 15 до 43,3 тыс., Благовещенска — с 32,8 до 64,4, Владивостока — с 28,9 до 84,6).

Изменения в экономике региона, в ходе которых она приобрела аграрно-индустриальный характер, обусловили значительные изменения в территориальной организации рыночных механизмов, функционирующих в экономике региона.

Во-первых, расширилась территория, на которой господствует рыночное хозяйство (к началу 20-х гг. она охватывала практически весь Приамурский край, за исключением горно-таежных районов Сихотэ-Алиня и Малого Хингана). Во-вторых, на рынке резко увеличилось количество хозяйствующих субъектов — индивидуальных хозяйств. Причем в рыночные отношения оказались вовлеченными в той или иной мере все типы индивидуальных хозяйств, включая и значительную часть хозяйств коренных жителей. В-третьих, увеличилась товарная масса, поставляемая на рынок индивидуальными хозяйствами, при усложнении ее структуры. В-четвертых, проведение железных дорог привело к изменению географии товарных потоков — теперь они во все большей степени стали направляться к железнодорожным станциям при одновременном увеличении радиуса перевозок. В-пятых, изменились формы обмена между селом и городом — непосредственный обмен и мелкий оптовик (скупщик) оказались вытеснены на периферию, а на их место пришли кооперативы и крупный оптовик, который не только скупал продукцию, но и финансировал владельцев индивидуальных хозяйств под будущий урожай. В-шестых, возросшие объемы товарной массы, обращаемой на рынках Приамурского края, увеличение количества хозяйствующих субъектов, действующих на локальных рынках региона, а следовательно, усложнение рыночных механизмов, обусловили изменения в

формах и методах государственного регулирования. Не отказавшись от методов непосредственного регулирования (интендантство закупало до 1/10 поступавшей на рынок продукции сельскохозяйственного производства), местные органы государственной власти перенесли акцент на косвенные методы регулирования (содействие кооперативному движению, землеустройство, организация сельскохозяйственных складов, опытных полей, ферм и т. д.).

Революция и Гражданская война породили следующую концепцию освоения и развития Дальнего Востока (№ 3). Ее отличительной чертой являлась ориентация регионального развития на «собственные силы», что было вынужденным решением в условиях практически полного отсутствия каких бы то ни было ресурсов развития в стране. Ничего принципиально нового для региона в концепции «автономизации» не было. По-прежнему хозяйственный оборот Дальнего Востока опирался на те виды экономической деятельности, которые эксплуатировали наиболее богатые и рентабельные природные ресурсы (золото, уголь, лес, рыба, сельскохозяйственные земли, пушнина). По-прежнему в центре внимания органов автономного хозяйственного управления находилась промышленность, продолжался курс на индустриализацию региона: «Будущее Дальнего Востока в промышленности. Поэтому вся работа уже с сегодняшнего дня во всех отраслях должна служить делу промышленного развития ДВО. Из различных отраслей промышленности внимание в первую очередь лесу, рыбе, золоту» [6, с. 12].

Предполагалось в кратчайшие сроки восстановить уровень добычи основных видов природных ресурсов и по возможности увеличить его с тем, чтобы использовать доходы от ресурсного сектора экономики для интенсивного хозяйственного развития региона. Все созданное в регионе должно было концентрироваться в центрах хозяйственного роста — лесной, рыбной, золотодобывающей, угольной промышленности.

Однако экономически это все-таки была новая концепция. Во-первых, прекратился сколько-нибудь существенный приток средств из центра. Во-вторых, развитие Дальнего Востока в рамках единой стратегии освоения пространств Северной Азии было заменено по существу автономным хозяйственным оборотом в пределах Дальнего Востока с расширением за счет сопредельных территорий Азии. При этом политические и военные приоритеты фактически не изменились — Дальний Восток по-прежнему рассматривался как важная в военно-политическом отношении часть советской империи.

К 1928 г. хозяйство Дальнего Востока было в значительной степени восстановлено. Валовой доход на душу населения превысил общесоюзный уровень на 19%, а чистый доход — на 15%. Экспорт составлял по стоимости около 7% объема валовой продукции региона. Активное сальдо внешней торговли равнялось почти шестой части всего объема капиталовложений.

Хотя хозяйство региона продолжало оставаться преимущественно аграрным (в промышленности было занято только 9% населения, а стоимость продукции сельского хозяйства составляла почти 70% стоимости всего валового продукта по региону), скорость развития промышленности увеличилась, появились даже новые отрасли промышленности — нефтяная, цементная.

В конце 1920-х гг. СССР вступил в новую фазу экономического строительства, общенациональная экономическая концепция формулировалась как создание автономного индустриального комплекса, способного поддерживать передовой уровень военно-экономического потенциала, для чего необходимо было быстрыми темпами создать многоотраслевую промышленность на основе централизации совокупных экономических ресурсов. Экономической стратегией реализации данной концепции являлось преимущественное развитие тяжелой, в том числе военной промышленности и инфраструктуры, в первую очередь путей сообщения и энергетики.

Переход к такой стратегии после периода господства рыночной тактики восстановления экономики подразумевал тотальные изменения как в отраслевой, так и в пространственной сфере организации общественного хозяйства. Для Дальнего Востока это означало переход от концепции развития № 3 к концепции развития № 4, сутью которой в ресурсном отношении являлось восстановление модели государственного патронажа над регионом. Ресурсы развития практически полностью были привязаны к централизованным источникам, экономический барьер на западном направлении исчез благодаря субсидиям из государственного бюджета, которые компенсировали транспортный тариф, повышенную заработную плату, повышенные затраты на тепловую и электрическую энергию. За сравнительно короткий период, уже к началу 1940-х гг., экономика региона трансформировалась в экономику индустриального типа с сильным добывающим сектором и сильной оборонной промышленностью. Регион был встроен во внутрисоюзные цепочки разделения труда, выполняя функции поставщика на внутрисоюзный рынок сырьевых ресурсов, одновременно обеспечивая поддержание потенциала функционирования Тихоокеанского флота и Дальневосточного военного округа (фронта). Продукция поставлялась почти исключительно на внутренний рынок, свобода внешней торговли исчезла и была заменена декретируемыми государственным планом поставками сырья и военной техники по централизованным каналам. Следовательно, данный этап характеризовался наличием жесткого барьера на восточных границах региона при полной интегрированности его с внутрисоюзным рынком. Критерий эффективности производства и использования ресурсов был заменен на критерий внеэкономической целесообразности размещения производств. Регион начал функционировать по модели «военной крепости», обеспечивая военно-экономическое присут-

ствии СССР на Тихом океане и поставляя дефицитные природные ресурсы для народного хозяйства СССР.

В структурном смысле это означало формирование двух относительно автономных по отношению друг к другу секторов экономики региона, ориентированных на решение экономических задач национального уровня (с одной стороны, региональный ВПК, а с другой стороны, добыча и первичная переработка биологических ресурсов суши и моря, цветных и благородных металлов). Эта концепция формировала структуру и интенсивность развития экономики в целом и отдельных ее секторов на Дальнем Востоке в течение 1930—1940-х гг.

После окончания Второй мировой войны централизованные ресурсы страны были сосредоточены в европейских районах СССР. Одновременно с этим степень напряженности военно-политической обстановки на Дальнем Востоке уменьшилась. Это означало ослабление стимулов для инвестирования в развитие экономики региона по внеэкономическим критериям. Сравнительная экономическая эффективность использования общественных ресурсов на Дальнем Востоке оставалась низкой.

Дальний Восток по-прежнему являлся частью централизованной экономической системы, следовательно, источником поступления ресурсов развития являлся экономический центр. Однако степень полезности развития региона для этого центра оказалась заметно ниже по сравнению с предшествующим 20-летием. Поэтому с точки зрения цели и задач развития Дальнего Востока этот регион «вернулся» в эпоху «целевой автономии», самостоятельно формулируя задачи развития экономики, которые в основном сводились к поддержанию масштабов и сохранению структурных пропорций созданного военно-экономического регионального комплекса.

«Целевая автономия» при сохранении централизованного ресурсного обеспечения и гарантированности рынков сбыта характеризовали своеобразную концепцию № 5, которая господствовала в первое послевоенное десятилетие. К концу этого периода стало ясно, что эта концепция не сможет обеспечить необходимой динамики развития региональной экономики. Была предложена идея (В. Немчинов) частичного восстановления ориентации экономики региона на рынки стран АТР в части неконкурентоспособных на внутреннем рынке по экономическим критериям продуктов. В рамках этой идеи в середине 1960-х гг. началось привлечение японского капитала для разработки сырьевых ресурсов Дальнего Востока в форме компенсационных соглашений и была развернута приграничная торговля. Однако основ базовой модели функционирования региона это не затрагивало, так как и компенсационные соглашения, и приграничная торговля осуществлялись в рамках единого народнохозяйственного плана, а ресурсы от этих видов дея-

тельности попадали в регион все равно через центр. Конечно, в рамках этой концепции появилась возможность использования альтернативных централизованным ресурсам. Это стало отправной точкой заметной модификации всех последующих концепций.

Уже с 1967 г. в связи с возникновением военно-политической угрозы (на этот раз со стороны Китая) интенсивность накачки в регион централизованных ресурсов из центра в оборонную промышленность и добывающий сектор экономики опять усилилась. Хотя уровень централизованных инвестиций ненамного уступал в 1970-е и 1980-е гг. (5% общего объема централизованных инвестиций по СССР) тому, что поддерживался в 1930-е гг. (6,3%), региональное развитие по-прежнему базировалось на централизованных ресурсах. То есть в течение следующих 20 лет (вплоть до 1987 г.) была восстановлена «классическая» концепция развития — «государственные цели — государственные ресурсы». Хронологически можно считать это относительно новой концепцией регионального развития № 6, которая отличалась от концепции 1930—1940-х гг. тем, что дополнительно к наращиванию потенциала оборонных отраслей промышленности акцент делался на поддержании комплексности регионального хозяйства как части национальной экономики посредством развития вспомогательных и комплексизирующих отраслей, социальной сферы.

С середины 1980-х гг. стала очевидной невозможность гарантировать государственный патронаж в полном объеме и в прежних формах, общественные ресурсы были истощены. Начались поиски вариантов рационального сокращения государственных обязательств при условии сохранения параметров целевой области и поддержания основных социальных и политических приоритетов. Эти поиски затронули и Дальний Восток. Падение нефтяных цен и доходов бюджета поставило во главу угла задачу выхода на новые рынки и нахождения новых, в том числе пространственных, источников экономического роста. Бурно развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион представлялся одним из эффективных вариантов решения этой задачи. И в 1986 г. была провозглашена новая концепция развития Дальнего Востока — № 7.

Основной идеей этой новой концепции являлось упомянутое выше предложение академика В. Немчинова о том, чтобы Дальний Восток ориентировал свою продукцию, для которой конкуренция сибирских регионов труднопреодолима, на рынки стран АТР. В действительности это была попытка возврата в новых условиях к тем принципам, на которых базировалось развитие региона в период 1922—1930 гг. На этом пути предстояло преодолеть историческую, этническую, культурную, экономическую чужеродность России и ее Дальнего Востока по отношению к АТР и особенно его азиатскому

сегменту. Разрушение этих барьеров, ликвидация обособленности региона от общерегиональных и мировых экономических и финансовых процессов, приведение к сопоставимому виду и масштабам стандартов экономических и административных механизмов являлись важнейшими условиями реального участия России (СССР) в глобальных экономических и финансовых процессах на Тихом океане.

Целостной стратегии реализации этой концепции так и не было предложено. Были намечены некоторые предельно общие и во многом противоречивые цели (прирост объемов промышленного производства в 1987—2000 гг. на уровне 150%; сохранение уровня гарантированного государственного спроса на продукцию дальневосточных потребителей; сохранение централизованных государственных фондов и государственного бюджета в качестве основного источника финансовых и материальных ресурсов для развития экономики региона; изменение структуры экономики региона на основе развития машиностроения).

Однако уже к началу 1991 г. стало очевидно, что поддержание уровня государственного спроса, сохранение масштабов централизованного финансирования инвестиций и структурная перестройка в направлении приоритета внешнеторговой и инвестиционной кооперации с АТР невозможны в силу ухудшающейся финансово-ресурсной ситуации в стране.

Следующее десятилетие (1991—2001 гг.) знаменовалось фактическим возвратом к третьей концепции (характерной для периода 1922—1930 гг.). Централизованное обеспечение финансовыми и материальными ресурсами из центра было практически прекращено. Каких-либо стратегических целей (задач) федерального уровня перед Дальним Востоком не ставилось. В то же время и сам регион, и федеральный центр исходили из необходимости сохранения территориальной целостности государства. В связи с прекращением государственного финансирования, отказом федерального центра от гарантий в отношении обеспечения рынка сбыта продукции региональных производителей (в том числе и в области оборонной промышленности), разрушением механизма компенсации отрицательной ренты у региональных экономических агентов на внутреннем рынке России последние переориентировались на рынки сопредельных стран, которые компенсировали потерю внутреннего национального рынка. Это привело к частичной деиндустриализации экономики региона.

Вынужденное замещение внутренних экономических связей внешнеэкономическим сотрудничеством прежде всего в форме внешней торговли стало продуктивной идеей развития в этот период — концепцией регионального развития № 8. Следовательно, параметрами этой концепции, как и в случае концепции № 3, являлось отсутствие государственной цели развития при

приоритете внутрирегиональных и внешнеэкономических ресурсов для такого развития.

Ситуация и в России, и на Дальнем Востоке изменилась в начале 2000-х гг. После восстановления национальной экономики в результате преодоления финансово-экономического кризиса 1998 г. улучшилось положение в области государственных финансов. Одновременно начала конструироваться новая геополитическая концепция России, одним из важных элементов которой являлось воссоздание идеи кооперации с зарубежными странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Конкретным экономическим проявлением этой «новой старой идеи» являлся выход на рынки этих стран посредством формирования стабильной товарной ниши, в качестве такой ниши был определен рынок топливно-энергетического сырья.

Таким образом, в первом десятилетии XXI в. опять была сформулирована национальная геополитическая цель на Тихоокеанском побережье России, и для реализации этой цели в регион начали передаваться значительные централизованные (государственные и корпоративные) ресурсы. Централизованные ресурсы направляются в этот период преимущественно на две цели: развитие транспортной инфраструктуры (включая энергетический транспорт) и освоение новых сырьевых источников (в первую очередь топливно-энергетических). Поэтому с полным основанием действующую в настоящее время концепцию № 9 можно назвать концепцией транснационального ресурсного транзита, основная идея которой — развитие магистральной транспортной и энергетической инфраструктуры для обеспечения национального сырьевого экспорта.

Таким образом, каждые 10—20 лет происходила смена концепции освоения и развития Дальнего Востока. То есть можно говорить о «концептуальном цикле» как о смене концепций регионального развития, отражающем объективные пульсирующие чередования параметрической пары «цели — ресурсы». Этот цикл графически изображен на рисунке 1. Блоки «А» и «В» на этом рисунке отличаются тем, что развитие и функционирование экономики в блоке «А» основано исключительно на централизованных государственных ресурсах, а в блоке «В» — частично на использовании собственных ресурсов региона, но в обоих случаях регион осваивается и развивается под полным контролем государства.

Блок «С» отражает ситуацию «двойной автономии», когда и цели, и необходимые для их достижения ресурсы генерируются в самом регионе или усилиями самого региона.

К настоящему времени Дальний Восток вступил в зону потенциального появления новой концепции развития, учитывая, что ныне действующая концепция (№ 9) существует уже почти 10 лет.

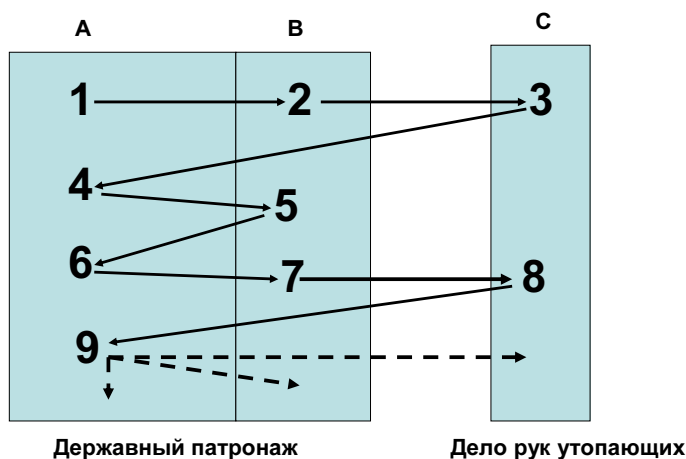

Рис. 1. Концептуальный цикл развития Дальнего Востока

В соответствии с периодичностью «концептуального цикла» (10—20 лет) на период 2012—2013 гг. —2035—2040 гг. должна быть сконструирована новая концепция развития, которая вполне может представлять собой некую комбинацию ранее сформированных и реализованных концепций. При этом в период до 2050 г. возможно существование в действительности не одной, а двух точек перегиба на кривой концептуального цикла. Рассмотрим предположения относительно точки (точек) перегиба на кривой концептуального цикла.

КОНЦЕПЦИЯ ДОЛГОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ПОСЛЕ 2010 г.

С формальной точки зрения первоначально следует ответить на вопрос о том, в области какого из трех блоков (рис. 1) может отражаться «ресурсно-целевая область» будущей концепции (концепций). Рассмотрим аргументы в пользу каждого из трех возможных вариантов.

Возможен ли возврат к какому-либо варианту концепции, основанной на исключительной ответственности и гарантиях государства за развитие пусть даже такого важного со стратегической точки зрения региона, как Дальний Восток? Такой вариант принципиально возможен, но лишь в случае выполнения нескольких условий:

- если государство окажется в состоянии аккумулировать в бюджете и затем перераспределить в пользу экономических агентов на Дальнем Востоке инвестиционные и операционные финансовые и материальные ресурсы, гарантируя при этом равновесие на товарных рынках и нормативные параме-

тры социальной системы;

- если окажется реальным реализовать в пространственном отношении принцип двойных институциональных стандартов, то есть сконструировать в пределах Дальнего Востока централизованный механизм выработки и реализации экономических решений и распределения экономических ресурсов, то есть сконструировать «командный анклав» в отдельно взятом мегарегионе;
- если отвергается основополагающая идея, лежащая в основе ныне действующей концепции развития региона — интеграция с внешними рынками в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так как экономика последнего функционирует исключительно в рамках рыночных механизмов.

Очевидно, что подобное сочетание условий нереально. Следовательно, вероятность размещения концепции развития в рамках блока «А» настолько мала, что ею можно пренебречь.

Какова вероятность того, что концепция для будущих периодов позиционируется в блоке «С», то есть произойдет возврат к ситуации полной региональной автономии в экономике?

Практически это означает предположение об экономической катастрофе национального масштаба, которая может последовать в результате глобальной экономической катастрофы, в силу чего последствия системного кризиса в экономике и финансах будут иметь долговременный характер. Только в этом случае, во-первых, могут «исчезнуть» экономические интересы России в бассейне Тихого океана, а во-вторых, общеэкономическое равновесие в национальном масштабе опять модифицируется в совокупность локальных равновесий. Предположить такое развитие событий — значит предположить высокую вероятность демонтажа сложившейся системы глобального экономического равновесия, основанной на высокой степени адаптивности взаимодействующих экономических блоков.

Кроме того, даже при таком, почти апокалиптическом развитии событий, по крайней мере, один «якорь», удерживающий сползание ситуации в новую автаркию, все равно существует. Таким якорем является конструируемый в настоящее время корпоративный интерес, поддерживаемый и обеспечиваемый мощным инфраструктурным каркасом. Этот интерес заключается в удержании и расширении азиатского сегмента экспортного сырьевого рынка и получении стабильной экспортной ренты. Это является мощной гарантией того, что если не государство, то национальные корпорации отказались бы от сделанных за последние годы инвестиционных вливаний в создание этого инвестиционного каркаса, а главное, от ренты, генерируемой эксплуатацией этого каркаса уже сейчас и особенно в перспективе. А, следовательно, ресурсное обеспечение регионального развития неизбежно будет основано на некоторой части внерегиональных ресурсов, а целевая область

новой концепции (концепций) все равно будет формироваться как минимум не только в пределах множества интересов и возможностей самого региона. То есть предположение о позиционировании будущих концепций развития в рамках блока «С» также маловероятно.

Следовательно, наиболее вероятно предположение о том, что будущая концепция(и) (№ 10/11) будет позиционирована в рамках блока «В». Скорее следует говорить все-таки о синтетической концепции будущего длинного периода (до 2050 г.), имея в виду, что она будет иметь определенные вариации или этапы реализации. В качестве таких этапов и будут выступать концепции № 10/11, причем концепция № 10 будет представлять собой концепцию создания базового контура развития региона, а концепция № 11 — концепцию завершения этого базового контура.

Содержание новой концепции развития региона непосредственно вытекает из проблемной области современного этапа регионального социально-экономического развития. Наиболее концентрированным выражением напряженности проблемной ситуации для региона является инвариантность качества региональной экономической и социальной систем и параметров их динамики относительно событий в рамках реализуемой в настоящее время концепции *транснационального ресурсного транзита*.

Следовательно, новая концепция регионального развития должна представлять собой идею активного формирования социальной и экономической систем, обеспечивающих видимые преобразования во времени количественных и качественных параметров функционирования экономики и социума на пространстве Тихоокеанской России. При этом следует учитывать экономико-географическую аксиому применительно к этому макрорегиону. Она заключается в том, что экономически и в отношении социальной организации регион делится по широте на две крупные зоны: зона относительно диверсифицированного развития и зону относительного моноразвития, которые часто обозначаются как южная и северная зоны. Их различия сводятся с концептуальной точки зрения к различиям в распределении природных ресурсов и их масштабах, доступных для освоения, и различиям в условиях применения факторов производства. С точки зрения теории сравнительных преимуществ в обеих частях региона возможно развитие на полиотраслевой основе, но лишь в южной части региона оно будет экономически оправданным. Это замечание существенно в том смысле, что исходное природно-ресурсное, климатическое, ландшафтное разнообразие предопределяет необходимость существования одновременно как минимум двух форм реализации концепции регионального развития.

Формирование регионального социально-экономического комплекса как активно функционирующего, то есть обладающего собственным потен-

циалом роста, улучшение качественных характеристик в экономике и социуме, оптимизирующие пространство, предполагает придание ему утраченных ранее признаков оптимальной автономии в духе концепции № 3 — концепции автономизации.

Очевидно, что в современном мире полного возврата к этой концепции не может быть. Взаимосвязи приобрели поистине глобальный характер. Речь идет о том, что должна быть воссоздана в новом виде идея «опоры на собственные силы». Но под ними теперь должны подразумеваться не собственные источники накопления и оборотных средств, как в 1920-е гг., такое действительно невозможно в эпоху глобальных финансовых рынков и рынков капитала, но собственные интересы региона как локального социума, инструментом реализации которых должны служить в регионе же локализованные новые виды экономической деятельности.

Как известно [4], в отдельно взятом регионе сосуществует как минимум три группы интересов: национальные, отраслевые, региональные. В настоящее время следовало бы уточнить и дополнить этот перечень, рассматривая в регионе сосуществующие четыре группы интересов: интернациональные, национальные, корпоративные, региональные. Три первые группы интересов опираются на совершенно определенные множества экономических агентов и соответственно имеют совершенно определенные механизмы реализации. Региональные интересы, которые по существу связаны с развитием социальной среды в регионе, фактически не имеют собственных механизмов для реализации, а источники их реализации являются производными от источников первых трех субъектов. Механизм и источники, адекватные представлениям региона о структуре и масштабах собственных интересов, появятся в том случае, если сам регион станет активным субъектом формирования экономической среды, понимая последнюю как подпространство двух экономических метапространств по отношению к самому региону — национального экономического пространства и экономического пространства Северо-Восточной Азии.

С этой точки зрения основной целью развития в перспективном периоде, идейной основой достижения которой и является новая концепция долгосрочного развития, формулируется как *синхронизация экономической структуры и качественных параметров воспроизводства в регионе с параметрами субглобальной экономической и социальной магистрали в Северо-Восточной Азии и формирование на этой основе конкурентоспособного экономического и социального комплексов в регионе.*

Реализация подобной цели возможна в случае формирования концепции развития региона в долгосрочной перспективе как *концепции новой индустриализации.* «Новизна» индустриализации раскрывается в двух моментах.

Во-первых, речь идет не о реставрации индустриальной структуры 1930—1980-х гг., а о создании индустрии, основанной на современных и завтрашних (даже послезавтрашних) структурных, организационных и технологических принципах, формирующейся как сочетание высококонкурентных на национальном/глобальном рынке экономических агентов, которые ориентированы в своей деятельности не только (и не столько) на горную или земельную ренту, сколько на технологическую ренту на основе технической и технологической монополии на отдельных отраслевых рынках.

Во-вторых, это означает отказ от идеализированных представлений о необходимости «максимизации добавленной стоимости» вообще в валовом региональном продукте и, особенно, в продукции сырьевых добывающих отраслей, функционирующих в регионе. Увеличение доли добавленной стоимости может происходить, а может и не происходить в соответствии со спецификой того или иного производства, характеристиками сырья, которое является предметом труда в данном производстве, особенностями того или иного отраслевого рынка и механизмов ценообразования на нем. Добавленная стоимость должна являться предметом экономического и финансового расчета, а не средством политического пиара. Единственно концептуальный момент в области добывающей промышленности — перевод ее на высокий технологический уровень, чтобы исключить возможность финансовых потерь как самих экономических агентов, так и субъектов РФ, на территории которых они функционируют.

Таким образом, новая индустриализация в регионе означает создание состоящей из двух макроструктурных фрагментов промышленно-сервисной структуры: южный фрагмент — высокотехнологичные виды деятельности по эксплуатации эффективных и конкурентоспособных на национальном/глобальном рынках сырьевых ресурсов, второй фрагмент — наукоемкие, в том числе венчурные, производства и услуги, эксплуатирующие локально-технологические монопольные эффекты также на национальном/глобальном рынках. Конечно, разделение на индустриальные фрагменты не носит абсолютного характера, то есть в пределах каждого сегмента возможны и вероятны элементы соседнего.

Важнейшим аргументом в пользу концепции новой индустриализации является также то, что в случае ее реализации экономическая структура и качество экономики в регионе будут соответствовать принципам и требованиям новой повышательной длинной волны как глобальной, так и национальной динамики.

Новая индустриализация и модернизация на ее основе экономической структуры региона является основополагающим идейным инструментом достижения главной цели регионального развития — обеспечения сопостави-

мых с развитыми странами Восточной Азии стандартов социальной среды, уровня и качества жизни. Использование этого инструмента не должно препятствовать или осложнять функционирование создающегося в настоящее время комплекса технико-экономических средств и объектов, конструирующего инфраструктурный каркас, обеспечивающий взаимодействие корпоративных структур Российской Федерации с Азиатско-Тихоокеанским регионом. То есть концепция новой индустриализации должна дополнять, но не разрушать основополагающие элементы концепции № 9.

В 2000—2005 гг. реализация концепции новой индустриализации предполагалась в формате решения следующих задач:

- создание комплекса высокотехнологичных производств по переработке регионального и транзитного сырья с экспортом и межрегиональным возвратом продукции переработки;
- формирование промышленных кластеров высокотехнологического характера (аэрокосмического, судостроительного, биотехнологического, нефте- и газохимического, пр.);
- создание эффективного инфраструктурного каркаса;
- создание системы опорных городов и узлов промышленного каркаса;
- обеспечение социальных стандартов высокого уровня.

При этом наиболее «деликатным» вопросом полагалось обеспечение совмещения инфраструктурной функции Дальнего Востока с задачей формирования «новой индустриальной базы» в форме создания кластеров высокотехнологичных производств и сервисов в южной части региона. И решение этой задачи, как и реализация концепции новой индустриализации вообще, представлялось в форме создания промышленно-сервисных дуг в южной части Тихоокеанской России (*рис. 2*). Предполагалось, что именно в зоне этих дуг возникнет обсуждавшаяся еще в конце 1980-х гг. экономическая «контактная зона» с сопредельными экономиками Северо-Восточной Азии [2; 8].

Однако уже к концу первого десятилетия XX в. ситуация кардинально изменилась. Идея формирования «перехватывающих приграничных дуг» оказалась востребованной, и фактически если еще и не реализована, то интенсивно реализуется, но не в России, а в сопредельных с российским Дальним Востоком северо-восточных провинциях Китая, где действует специальная государственная программа модернизации старой промышленной базы [7]. Фактически подобная индустриальная дуга, поддерживаемая современной и быстро развивающейся транспортной и коммуникационной инфраструктурой, создана на территории Северо-Восточного Китая вдоль границы с Россией (*рис. 3*), и она осуществляет реально функции «перехвата» российского ресурсного экспорта, в первую очередь нефти и леса.

На российской стороне границы также можно выделить сформировавшиеся дуги, но их конфигурация, географические координаты и экономическое содержание кардинально отличаются от вышеописанной идеи. Эти дуги, одна из которых (южная) почти в точности соответствует концептуальной дуге, изображенной на рисунке 2, отражают распределение в пространстве инвестиций, которые в период 2005—2011 гг. шли из различных источников на развитие магистральной энергетической и транспортной инфраструктуры (южная дуга) и наращивание запасов и добычи минерально-сырьевых, в том числе топливно-энергетических ресурсов (северная дуга). То есть вместо «перехватывающей» дуги фактически сформировалась система из взаимодействующих «передающей» и «питающей» дуг.

Можно говорить о том, что действующая в настоящее время концепция № 9 реализуется, или даже уже реализована, именно в формальном контексте дуг, но главное содержательное отличие состоит в том, что южная дуга имеет не преобразовательную, а транзитную функцию. Поскольку «перехватывающая» дуга уже фактически смещена за пределы России, южный фрагмент новой промышленно-сервисной структуры должен в рамках концепции № 10 представлять собой некую дугообразную или даже приближенную к треугольнику пространственную фигуру (рис. 3), в пределах которой как раз и будут размещаться наукоемкие, в том числе венчурные, производства и услуги, ориентированные на создание и эксплуатацию технологических монополий на соответствующих отраслевых рынках.

То есть пространственное отображение концепции № 10 — система из двух дуг (или дуга-треугольник), в которой северная дуга является географическим местом концентрации производств и услуг по эксплуатации рентоформирующих природных ресурсов, а северная дуга (треугольник) — географическое место концентрации высокотехнологичных монополиеяземких перерабатывающих производств и услуг.

Однако формирование локальных по времени монополий на отдельных отраслевых рынках не является исключительной формой реализации концепции монополиеяземких ориентированных экономических агентов. В рамках «южного» фрагмента имеется в виду сочетание двух принципов: во-первых, организация собственно монополиеяземких ориентированных производств, опирающихся на технологические достижения отечественного и регионального научно-инновационного комплексов, а во-вторых, формирование разномасштабных (как крупных и средних, так и малых) экономических агентов, производственные процессы которых были бы интегрированы в интернациональные технологические цепочки, то есть представляли бы собой составные части единых воспроизводственных комплексов на соответствующих отраслевых рынках, реализуя идеи международного разделения

труда.

Конечно, все еще существует возможность совмещения в пределах южного фрагмента промышленной структуры высокотехнологичных мало-масштабных монополюсно ориентированных производств и производств по преобразованию части экспортных потоков в продукцию и услуги, экспортируемые в Северо-Восточную Азию. Это потребует значительно более масштабных и тонко ориентированных институциональных модернизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгосрочный комплексный прогноз регионального социально-экономического и технологического развития. «Тихоокеанская Россия — 2050» (методические положения) / под ред. В. И. Сергиенко, П. А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 96 с.
2. Минакир П. А. Тихоокеанская Россия в АТР и СВА: вызовы и возможности // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 5—20.
3. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
4. Минакир П. А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983. 224 с.
5. Минцберг Г. Пять «П» стратегии / Минцберг Г., Куинн Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001. 688 с.
6. На новом пути: Жизнь и хозяйство Дальневосточной области в 1923—1924 году. Владивосток: Изд-во Приморского губисполкома, 1925. 571 с.
7. План возрождения Северо-Восточного Китая / перевод с англ. В. Е. Кучерявенко // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 62—101.
8. Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П. А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2010. 560 с.